

В поисках философии без падежных окончаний

Е.Н. ИВАХНЕНКО

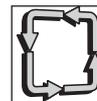
Кратким выражением мысли, которую хотелось бы провести, вмешавшись в спор о «философии падежей», может послужить принятая всерьез известная шутка физиков. Применительно к философам она звучит так: «Философия – это то, чем занимаются философы». Несмотря на кажущуюся простоту этого высказывания, полагаю, что оно имеет самое непосредственное отношение к развернувшейся дискуссии между В.К. Шохиным и В.Н. Порусом. Мое искреннее уважение к Владимиру Кирилловичу и Владимиру Натановичу я хотел бы подкрепить, обращаясь к ним по имени-отчеству и пользуясь при этом принятыми сокращениями – ВК и ВН.

Постараюсь следовать заведенному порядку спора: прояснение высказанных точек зрения, расстановка некоторых акцентов, определение своей позиции в ее совпадениях, расхождениях и противопоставлениях с позициями других участников.

Обоих авторов беспокоит современный статус философии науки (ФН), каким он представляется в различных сообществах ученых: от физиков до тех, для кого философия является профессией. Поскольку физики не спешат включаться в дискуссию с теми, кто, по упомянутому высказыванию Р. Фейнмана, только «мельтешит на обочинах науки», таковая в нашей дискуссии становится чем-то вроде инвентаризации одного из подразделений общего «философского хозяйства».

Беспокойство оппонированных распространилось на несколько тем, но центральная одна – это настоящие и будущие судьбы ФН в современных профессиональных сообществах – ученых-естественников, гуманитариев, социологов, психологов и самих философов.

ВН в современном феномене междисциплинарности ФН усматривает ее настоящую/будущую гибель, своего рода пресечение

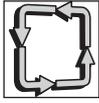

длящей себя во времени живой философской мысли. Не погружаясь в детали, можно сказать, что ВН предлагает перенаправить традиционные исследовательские поиски в русло «свободы человека». Такой путь, по его замыслу, призван вернуть «целостность и осмысленность» всего того, чем занимаются эпистемологи и философы науки, а заодно вернуть доверие ученых из других областей научного знания. (Здесь же где-то, судя по всему, должна открываться возможность философа-специалиста быть затребованным «бригадой» грантополучателей.) Но поскольку «проблема человека» широка и неохватна, ВН предлагает многообразные вопрошания свести к стержневой теме человека и его свободы, т.е. «смотреть на нее по-кантовски», формулируя вопросы в предельной постановке: что я могу знать? Что я должен делать? На что я могу надеяться? Применительно к теме настоящей дискуссии траектория мысли ВН ведет исследователей от удручающей неактуальности традиционных проблем современной ФН к «целостному пониманию человека», восстановленного из его же частнонаучных «проекций». По поводу последней фразы можно сделать несколько уточнений, например, что речь идет о человеке, «осуществляющем познавательную деятельность в форме науки», но в целом это не меняет сути финальной постановки проблемы, а именно – ФН должна (и философы науки должны) заниматься исследованием «условий, смысла и форм человеческой свободы в сфере научного познания». В другой интерпретации – заниматься изучением условий, «при которых возможно научное познание, осуществляемое свободно определяющим себя, свою персональную судьбу, человеком»¹. Так формулируется «именительный падеж» ФН. Перейдем к «родительному падежу».

ВК, так же как и ВН, беспокоит сложившееся положение вещей, но прежде всего – со стороны утраты целостности и фундаментальности философии. В наше время это уже не что-то похожее на форму общественного сознания или великую традицию, нацеленную на схватывание в единстве мира, человека и его мышления, а умножающиеся дисциплины, которые преподают в вузах разных стран в прикладном ключе – как «философии чего-то». ВК остроумно маркирует их «философиями родительного падежа». Его великолепно, на мой взгляд, построенная аргументация призвана сохранить «статуарность» ФН от предписывания ей прикладного (прикладываемого к предметам других наук – «к чему-то») характера.

Таким образом, последующие за общей озабоченностью ситуацией траектории предписаний ВН и ВК на предмет «какая ФН нам

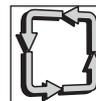
¹ Порус В.Н. К вопросу о междисциплинарности философии науки // Эпистемология & философия науки. 2005. Т. IV. № 2. С. 76.

нужна», резко расходятся. Различаются и используемые ими способы аргументации, на что и хотелось бы обратить внимание. Именно способы обоснования позиций приоткрывают возможность их рассмотрения через другие оптики и с другого «пригорка». Сюда же, по мере сил и возможностей, я переношу свои суждения.

Итак, появление большого числа философий «родительного падежа» воспринимается ВК как утрата основания, чего-то само собой разумеющегося, *того*, что во все времена определяло философии Востока и Запада и собственно отличало их от других типов познавательного отношения к миру. Очевидно, что ВК усматривает проблему «родительных падежей» в разжижении метафизического ядра ФН. Его аргументация выстраивается по оси сохранения чего-то вроде «сущности ФН», отражающей ее «внутреннюю природу». Так, свои возражения по поводу оценок и предписаний оппонента он концентрирует на апелляции к «онтологическому залеганию» философских вопросов в виде «вечных» проблем всякой философии, которые, как он пишет, «не теряют своей актуальности в течение не то что столетий, но и тысячелетий». На тот же стержень нанизывается высказывание «Россия – страна идеократическая, а таковая без философии никак обойтись не может», которое, как я понимаю, должно быть положено читателем в копилку все тех же почерпнутых из вечности определений.

При всем этом следует, на мой взгляд, согласиться с целым набором суждений ВК. Прежде всего с его списком тех «скучных дел», которыми ФН не перестанет заниматься в ближайшее время. К этому списку можно добавить и согласие с уместностью принятых на сегодняшний день четырех предметностей ФН – единства научной картины мира, предпосылок научного знания, языка науки и конструирования общей теории науки, – но с одним замечанием: перед каждым из них следовало бы поставить слово «проблема». Далее, попытаюсь продолжить другую созвучную моим представлениям мысль ВК, утверждая вслед за ним, что вряд ли на сегодняшний день кто-то намеренно забирает у «философии родительного падежа» эпистемическое право на осмысление или организацию пространства междисциплинарных дискурсов. Создают свои – возможно, но забирают – вряд ли. Или, к примеру, то, что философии с ее «метатеоретическими» обязательствами не следует спрашивать у «соседей» право на свое существование и доказывать, что она на что-то может пригодиться. Возникает желание присоединиться к риторической (но не к онтологической) составляющей данного аргумента. Может быть, даже для этого подойдет и такое соображение (а почему бы и нет?): чем больше кто-то перед кем-то оправдывается, тем глубже закрадываются подозрения в подлинности самого предмета оправдания.

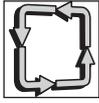

Однако согласие основывается вовсе не на том, что содержание аргументов извлечено из реестра «вечных проблем» философии, а на том простом убеждении, что в реальном времени ими продолжает заниматься (профессионально/непрофессионально) определенная часть интеллектуалов. До тех пор пока это весьма размытое сообщество проявляющих интерес к постановке и решению «скучных» вопросов не может быть полностью проигнорировано другими группами специалистов, ФН сохраняется и существует как реальное и подлинное пространство актуального знания. Силовые линии, предотвращающие схлопывание данного пространства, поддерживаются интеллектуальными усилиями и социально значимыми действиями самих людей (пишутся статьи, выпускаются журналы, ведутся дискуссии, подобные нашей...), но никак не за счет каких-либо метафизических гарантий, которых для представителей смежных профессий никогда не было, нет и, похоже, не будет. Прошлое в виде «тысячелетней истории следования» чему-то в этом смысле также не служит гарантией, а может служить одним из аргументов (историческим) за или против, но не более того. Когда же кто-то берется утверждать, что нечто будет так потому, что оно таким было тысячу лет, то мы имеем дело с метафизической верой в существование регулярностей, схожей по существу с верой религиозной.

Позиция ВН избавляет нас от поиска подобных метафизических и метаисторических гарантий. Она перспективна со стороны его отказа определять ФН, ее задачи и цели, универсалистским способом. В предложенном им варианте ФН предстает исключительно человеческим делом и не ищет опоры на «открытые» транскультурные идеи и производные из них способы обобщения, ценности и нормы. Усматривать в философии какие-либо надчеловеческие основания, по определению И. Берлина, «глубокая и неизлечимая метафизическая потребность». Р. Рорти назвал такую потребность «опасным симптомом» человеческой незрелости². По сути ВН формулирует установку на смену всего культурного фона, на котором выставляются будущие судьбы ФН. Он предлагает перенести ФН в иное культурное пространство, европейское по географическому происхождению, но не европеоцентристское по своей сути. Речь идет о культуре такого типа, в границах которой отвергается предположение о существовании вне- и надчеловеческих способов организации, оформления и смысловых значений ФН. А потому проблема ФН становится проблемой самого человека и условий его свободы.

Но все дело в том, что исследовательская практика, представленная таким образом, всегда будет *одним из способов распоряже-*

² Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность. М., 1996. С. 73.

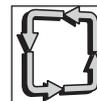

ния условиями свободы, при которых возможно научное познание – оптимальное/неоптимальное для данного случая. К примеру, этика науки в таком исполнении уже не определяется набором «найденных» моральных истин, из которых предписывается универсально осуществлять «осмысленный» выбор. Изменяющиеся «условия свободы» подвигают к непрогнозируемым ситуационным выборам, моральным и интеллектуальным, которые определяются культурой распоряжения свободой конкретного ученого, с одной стороны, и набором конкретных обстоятельств (возможно, прежде не существовавших) – с другой. Так, на мой взгляд, «свободно определяет себя, свою персональную судьбу человек», ученый-исследователь в рамках той культурной альтернативы метафизики, которую вынес на обсуждение ВН.

В данном исполнении философия предстает не прокурором разума, а его местоблюстителем (Ю. Хабермас), т.е. оберегает (читит) место, на котором человеку удастся реализовать свободу своего интеллектуального воображения, и в то же время накладывает на него ответственность за распоряжение ею без всяких скидок на предопределение. В нашем случае таким местом можно назвать площадку свободной дискуссии, поддерживаемую усилиями редакции журнала «Э&ФН». Правда, если говорить об ответственности участника дискуссии, то она распространяется на слова, убеждения, репутацию, тогда как ответственность физика-экспериментатора, как правило, выходит далеко за пределы высказанных им слов.

Возможно, я прокомментировал последствия переориентации ФН на «проблему человека» не совсем так (или совсем не так), как то бы сделал сам ВН. Однако замечу, что по правилам свободной дискуссии нельзя отменить право воспользоваться идеей коллеги по цеху для конкретизации собственной мысли. Мне импонирует в позиции ВН ярко продемонстрированная им нацеленность на анализ коллизий в современных отношениях философов с представителями других областей науки, его установка на стремление давать ответы в «равноправном и уважительном диалоге со всеми науками».

Не следует, видимо, полностью отказываться от потребности увязать все идеи и проблемы ФН в некий единый контекст, который каким-то образом оказался бы единственно возможным. Такая потребность работает подобно «регулятивной идее», которой К. Поппер наделил «истину». В некоторых обстоятельствах для обоснования собственной позиции апелляция к единому контексту, где все связывается со всем, а истины счастливо сочетаются, оправданна, но только как дань риторике. Именно такую дань, уместную в ситуации настоящей дискуссии, платит ВН, когда, например, называет всю прочую философскую работу (помимо работы в предложенном им русле) «родовыми потугами бесплодного разума» или когда пере-

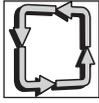
ходит на универсалистский язык в изложении своей неуниверсалистской по сути идеи – «единое во многом», «целостность и осмысленность» и т.д.

Позиции, которые занимают ВК и ВН, перекликаются с позициями К. Поппера и Л. Витгенштейна, когда-то (в 1946 г.) вступивших в десятиминутный спор, который прервался, как известно, грохотом отброшенной кочерги³. Поппер в своем докладе с весьма символическим для нашего разговора названием («Существуют ли философские проблемы?») утверждал существование (позже – в «третьем мире») высказанных философских идей и проблем, тогда как Витгенштейн предпочитал считать их «головоломками», существующими только внутри конкретных языковых игр. Не следует, конечно, отождествлять позицию ВК с той, которую отстаивал Поппер, а ВН – Витгенштейн. Однако позволительно видеть аналогию уже в том, что ВК апеллирует к признанию социально-онтологического статуса философских проблем науки, к их «вечному» воспроизводству в истории Востока и Запада, тогда как ВН в своем утверждении тезиса о «проблеме человека» и его свободе – к их производности от коммуникативно-ситуативного способа осуществления условий самой свободы, включая свободу научного творчества. Потому-то беспокойство за судьбы ФН, за ее отношения с другими сообществами ученых высказывается ВН столь непосредственно и драматично. Тогда как ВК, защищенный столетиями и тысячелетиями традиции, незыблемостью «вечных» проблем ФН и философии в целом, не находит достаточных оснований, чтобы разделять продемонстрированный его оппонентом алармизм.

Может показаться, что обращение к свободе и проблеме человека применительно к ФН ведет к утрате ее предметной области и предательски призывает переключить интерес специалистов к другому разделу философского знания, который до того числился «по ведомству» философской антропологии. Все обстоит ровно наоборот. Осознание случайного характера универсалистских ценностей и установок, их «человекообразности», делает нас более ответственными и чуткими к травматическим последствиям умножения «философий родительного падежа» и более избирательными в создании и использовании условий собственной свободы, в том числе – в поисках предмета и места самой ФН.

Философия, признающая случайность наших убеждений и ценностей, опосредованных расширяющимися «условиями свободы», вызывает к куда более активной поисковой деятельности и моральной ответственности человека за ее последствия, чем та философия, которая опирается на религиозные или рационалистические

³ Эдмондс Д., Айдиноу Дж. Кочерга Витгенштейна. История десятиминутного спора между двумя великими философами. М. : НЛО, 2004.

мифы. Однако следует признать, что фигура самого философа, принимающего случайность своих убеждений, – глубоко трагическая и героическая. Предпочитаю присоединиться к утверждению Э. Лаклау о том, что сам по себе такой тип еще не до конца создан европейской культурой и не до конца ею же осознан, но он необходим, «если наша эпоха собирается использовать большинство своих радикальных и воодушевляющих возможностей»⁴.

⁴ Лаклау Э. Сообщество и его парадоксы: «либеральная утопия» Ричарда Рорти // Логос. 2004. № 6 (45). С. 115.